

тил даже за дорогу, чтобы, как он говорил, они остались им довольны. Но его же приказанию правитель Александрии и его чиновники оказывали им всевозможное внимание до самого отъезда.

Относительно христиан, оставшихся в Иерусалиме, особенно греческого исповедания, которых вовсе не беспокоили, мы читаем у Эмадедина, что они сохранили свое имущество под условием взноса ежегодной дани сверх общего выкупа. Только четыре латинских священника получили право оставаться для служения в храме Гроба Господня, не платя притом никакой дани.

«Некоторые из ревностных мусульман, — говорит Эмадедин, — советовали Саладину разрушить храм, полагая, что если Гробница Мессии будет истреблена и плуг пройдет по тому месту, где стоял храм, то христиане лишатся предлога к иширимству; но другие предпочитали сохранить этот религиозный памятник, ибо не храм, но Лобное место и гробница привлекали христиан, и потому, если бы землю поднять на небо, то и тогда они не перестали бы стекаться в Иерусалим. Они ссылались также и на то, что калиф Омар в первые века исламизма, овладев святым городом, позволил христианам оставаться и оказал уважение храму Гроба Господня».

После того Саладин занялся возобновлением мечетей и между прочим открыл в Алаксе (мечеть Омара) *мираб*¹, которую тамплиеры застроили стеной и обратили в хлебный магазин, а по словам других — в отхожее место. Саладин отстроил мираб просторно и удобно, чтобы мусульмане могли там предаваться молитве. Там же была поставлена кафедра.

«Мираб, — говорит Эмадедин, — был очищен; пол покрыли прекрасными коврами; к потолку привесли лампы и читали там слова, нисшедшие с неба (Алкоран). Так возвратилась истина, и ложь была обращена в бегство; Алкоран восторжествовал, Евангелие изгнано. Совершались все наши обряды; молились за калифа и султана; на всех сходило благословение, и печаль удалась. Скрытое сделалось явным; древние

учреждения восстановлены; стихи Алкорана читаются вслух; знаки нашей религии водружены на своем месте. Звучит голос, призывающий на молитву; колокола замолкли. Изгнанная вера возвращается в свое убежище: дервиши, люди пажобные, великие и малые, все спешат поклониться Аллаху; с высоты кафедры раздается голос, напоминающий правозверным о дне воскресения и последнего суда».

Последними словами Эмадедин намекает на церемонию, которая происходила в мечети в первую пятницу по взятии города. Известно, что пятница у мусульман есть, по предписанию, день молитвы; известно также и то, что в этот день после службы проповедник восходит на кафедру, чтобы обратиться к молящимся с назиданиями. По вот как говорит о том наш автор, очевидец рассказа:

«Султан, по словам Эмадедина, не назначил еще никого для проповеди; многие говорили себе: "Если бы Аллах удостоил меня почетного звания имама! Если бы мне досталось такое счастье на этот день, а после все равно, кто будет имамом за мной". В пятницу рано утром все спрашивали: "Кого назначит султан проповедником?" Мечеть была полна; собравшиеся ожидали с нетерпением; глаза всех были устремлены на кафедру, слух напрягался, сердце билось сильнее; слезы лились. Недоставало мест для множества присутствующих; все говорили: "Счастлив тот, кто дожид до дня восстановления исламизма! Какое дивное торжество! Какое блестящее собрание! Как дославно быть имамом в подобный день! Как знаменито царство Эйюбитов! Найдется ли в странах мусульманских собрание, подобное нынешнему, которое было бы столь почтено Аллахом?"

Наконец, султан повелел кади, Могиэддину Абулмаали Магомету, сыну Цеки, отправить должность *кадиба*, или проповедника. Это возвешение покрыло внезапным потом чело тех, которые ожидали для себя этой же почести. Что касается до меня, то я подал кади черную одежду, лучшую мной в дар от калифа. Кади взшел на кафедру; речь, произнесенная им, вызвала наше изумление; обороты его речи были

¹ Та часть мечети, которая обращена к Мекке.